

07.06.08

Бианки Иван

19

Петербург по карточкам

Дагеротипы Ивана Бианки в Особняке Румянцева

Коммерсант - 2005. - 1 июня. - с. 22

ВЫСТАВКА фотография

В Особняке Румянцева, филиале Музея истории Санкт-Петербурга, открылась выставка «Иван Бианки — первый светописец Петербурга». Творчество одного из первых русских фотографов впервые представлено в таком объеме: около 300 винтажных снимков Бианки собирали по музеям, библиотекам и частным коллекциям России и Швейцарии в течение двух с лишним лет. Петербургские виды середины XIX века рассматривала АННА ТОЛСТОВА.

Цепной мост через Фонтанку у Летнего сада: деревья в паутине снега, на первом плане — сани извозчика. 1853 год. Ажурный чугунный мостик, сейчас кажущийся бедным родственником Бруклинского, разберут в начале XX века. Вид на строительную площадку Исаакиевского собора со складами и бараками. Автор-

ский отпечаток 1870-х годов с негатива 1853-го. Собор откроют через пять лет. Кустики вокруг гром-камня, высокая ограда, на парапете сидит господин в светлом цилиндре с тростью, остальная публика попроще: разносчики, приказчики, мастеровые. Медный всадник снят примерно в 1860-е. Все это Бианки сфотографировал первым.

Уроженец Швейцарии Джованни Бианки (1811–1893), в России ставший Иваном, вообще принадлежал к первому поколению отечественных фотографов. Александр Бенуа, с отцом которого — архитектором Николаем Бенуа — Бианки близко дружил, так и вовсе был убежден, что именно он познакомил Россию с изобретением Луи Жака Дагера. Это, конечно, не так. В чем Иван Бианки действительно был пионером — так это в видовой съемке Петербурга и окрестностей: во всяком случае, его фотографии турецкой бани

в Царском Селе (1852) на год с лишним старше карточки графа Ностица «Зимний вид на Неве», которую ранее считали первой.

Бианки происходил из швейцарского кантона Тичино, подарившего России добрую дюжину отменных архитекторов (в том числе Доменико Адамини, Луиджи Руска, Ипполита Монигетти) — ему как бы и на роду написано было заниматься архитектурной съемкой. Впрочем, сам светописец вначале думал иначе. Выпускник Московского училища живописи и ваяния, он мечтал о карьере акварелиста, но присланный в 1847 году в Петербург на суд Академии художеств портретик забраковали, и в звании художника по акварельной живописи Бианки было отказано. Тогда он уехал искать счастья за границу и нашел его, судя по всему, в Париже — в виде недавно обнародованного Дагером нового метода получения изображения. Теперь поко-

рять российскую столицу неудавшийся акварелист явился уже во всеоружии новейших техник: калотипии и мокрого коллодия. Открыл «Итальянскую портретную фотографию» в престижном месте: вначале на Михайловской площади, затем и вовсе на Невском. Снимал портреты, весьма успешно, но вскоре полностью переключился на архитектуру, где ему принадлежало безусловное первенство.

Какие-то фотографии Джованни Бианки можно назвать эталонными: он впервые нашел точки, с которых и теперь принято снимать панорамы Дворцовой и Сенатской площадей, невских набережных и центральных проспектов. В его объектив попало множество разрушенных и перестроенных зданий, ведь в годы его деятельности столица переживала очередной строительный бум, когда вышедшие из моды классические портики и фронтоны безжа-

лостно шли на снос. Так что уже в начале XX века ценность этих кадров осознавали все ревнители местного классицизма, а книги Игоря Грабаря и Владимира Курбатова были щедро проиллюстрированы карточками Бианки. Хотя сам фотограф, наверное, ничего не имел против нового строительства — оно приносило ему основной доход.

Он зафиксировал самый расцвет того, что теперь принято называть гордым словом «историзм», а раньше обзывали «эkleктикой», любовно ощупывая камерой тяжелый руст неоренесансных фасадов, полукружья венецианских окон и развесистую клякву псевдорусских кокошников. К тому же Бианки был истинный гений интерьерной съемки: портфолио с видами своих кабинетов и гостиных, густо заставленных массивной мебелью и пальмами в кадках, заказывала ему вся столичная аристократия: Строгановы, Паскевичи, Шува-

ловы, Белосельские-Белозерские, Шереметевы, Юсуповы, Штиглицы. Не осталась в стороне и императорская фамилия: Бианки снимал и пригородные дворцы, и Новый Эрмитаж. Эти «дворцовые» альбомы выглядят так, как будто бы перед нами глянецовый журнал по дизайну интерьера времен «Анны Карениной» — бесценный документ для краеведов, киношников и, конечно, реставраторов. Людей в этих интерьерах нет (снимать человека на фоне архитектуры Бианки, судя по всему, не любил: к чему лишние расплывчатые кляксы на отпечатке), но жизнь неуловимо присутствует в деталях. Вот, например, на днях открытый для публики после реставрации Минералогический кабинет в Строгановском дворце. Вроде бы как две капли воды похож на заснятый Бианки в начале 1860-х, но что-то не так: воронихинская отделка восстановлена, а бильярдного стола в центре недостает.